

Небрежно одетый мужчина средних лет отпустил тетиву, подмигнув ему, и на лице его расплылась дерзкая, уверенная ухмылка — словно говорил: «Гуляй смело, я прикрою!»

Гу Тин:...

Глубоко выдохнул. Что ж, ладно.

Веер был потерян, но оставалась ручная грелка. Движения Гу Тина стали ещё более вызывающими, выражение лица — ещё более наглым, а придирчивость и брезгливость, казалось, проступали из самых костей:

— Что, уже не выдерживаете? Не рано ли убивать собрались? — Неторопливо поглаживая грелку, он продолжил:

— Кстати, я ещё не спросил, как величать почтенного господина и откуда он родом? Хозяин, приглашающий гостей, должен же предъявить визитную карточку. Просветите, прошу.

Вражеское войско за стенами молчало. Никто не проронил ни слова.

Гу Тин фыркнул, выразив ещё большее презрение:

— Даже разбойники с большой дороги заявят: «Эта гора — моя, эти деревья — мои». А вы, почтенные, даже имени назвать не смееете. Каким же тёмным делом промышляете? Я человек малограмотный, ничего не смыслю, знаю лишь одно: мужчина, смело ступающий на поле брани, — настоящий хань, живёт открыто, с чистой совестью перед небом и землёй. Грубо говоря, хоть смерть прими — кость твоя твёрдой останется! А вы, прячущиеся по тёмным углам, даже имени не назовёте. Такое ли это дело — воинское? Самим не стыдно? Матери ваши заплачут.

Чжан Гуй чуть глаза не вытаращил от ярости:

— Маленький щенок, как ты смеешь!

По его знаку снова полетели стрелы. Но Гу Тин даже не пошевелился — зачем уворачиваться, когда рядом свой меткий стрелок? Кого бояться?

Наставник Линь оправдал ожидания: на каждую вражескую стрелу отвечал своей, сбивая их одну за другой. Сколько бы враг ни злился, пока он здесь, со своей тетивой, никто не тронет Гу Тина и волоска.

Рука у него была твёрдой. Каждая выпущенная стрела впивалась в землю у самых ног Чжан Гуя — ровно в трёх цунях. После серии выстрелов у ног Чжан Гуя выстроилась ровная линия...

Это было унижение. Намеренное.

Две армии стояли друг против друга, дистанция была выверена — вне досягаемости лучников противника. Но у каждой стороны есть свои мастера, способные поразить цель на сотне шагов, послать меткую стрелу. Очевидно, их стрелки проиграли. А противник, будучи столь искусным, со столь точными и мощными стрелами, не убивал его, а лишь, словно в шутку, чертил у его ног линию. Это же игра! Это откровенная пощёчина, говорящая: ты — ничтожество!

Гу Тин не интересовали его душевные терзания. Он весело возвысил голос:

— Эй, а что это сегодня задние ряды такие тихие? Говорит только передний. Время-то идёт,

разве нынешняя картина не забавна? Перед выступлением вы, наверное, планировали быстрый исход, верно? В лучшем случае — пригласить семью князя — Стража Севера, если не выйдет — немедленно штурмовать город, чтобы избежать непредвиденного. Но прошло уже столько времени, а вы, похоже, ни гостей приглашать искренне не хотите, ни город штурмовать.

Солдаты на стене, словно сговорившись, подхватили дразнящими голосами:

— Не штурмуют!

Гу Тин:

— Почему же?

Кучка грубых мужчин продолжила орать:

— Почему же?!

Чжан Гуй и компания внизу готовы были лопнуть от злости. Что это за исчадия, бандиты этакие! Совести у них нет, совсем нет!

Гу Тин махнул рукой, взгляд его стал жалобным:

— Искренне скорблю о вас. Мозгу с грецкий орех, думать не умеете? Этот передний, кажется, из последних сил кричит, но действительно ли он для вашего блага? А может... он на самом деле действует заодно с нами, телом в стане Цао, а сердцем с Хань, всё это время тянет время? Наш же человек!

Солдаты на стене дружно рявкнули:

— Наш же человек!

Некоторые слова из уст Гу Тина ещё можно было слушать — облик у него изящный, манера благородная. Но когда грубые мужланы передразнивали его интонацию, выходило противно и нагло до оскомины.

Враги за стенами кипели от злости, а защитники на стене обретали всё больше удали, глядя на Гу Тина с восторгом, глаза их сияли. Что это за сокровище бесценное! Такой молодец! Князь — тот ещё знаток!

Гу Тин, улыбаясь, смотрел в сторону Чжан Гуя:

— Братец, скажи-ка, как твоя фамилия? Ди? Чжан? А может, Хо? Знаю, задача у тебя особая, ради успеха на всё пойдёшь. Но ты бы хоть намёком дал, мы бы тебя вызволили!

Старые служаки подхватили:

— Ха-ха-ха, верно! Признайся, что наш, — жить оставим!

Ряды противника действительно заколебались. Задние начали поглядывать на Чжан Гуя иначе. Один из командиров уже подходил, чтобы поговорить с ним.

Чжан Гуй готов был глаза вытаращить от ярости:

— Не слушайте его! Это уловка! Он смуту сеет, вас сбивает!

— Тогда почему так долго тянет?

Чжан Гуй опешил. Да, почему так долго? Оглянуться не успел — уже несколько часов прошло!

— Я... — он сглотнул, — я тоже в его ловушку попал.

— По-моему, у тебя проблемы!

Смута в стане врага была как нельзя кстати. Гу Тин неторопливо засунул руки в рукава:

— Ладно, вы сначала между собой разберитесь, договоритесь — потом продолжим.

Затем развернулся и сошёл с возвышения.

У Фэн не отставал от своего господина ни на шаг. На лице его читалось неподдельное восхищение, он поднял большой палец:

— Господин, вы великолепны! Герой!

Гу Тин губами задрожал:

— Под... поддержи меня.

У Фэн протянул руку:

— Господин, что такое?

— Ноги подкашиваются, — Гу Тин почти повис на У Фэне, еле стоя. — По правде сказать, твой господин впервые затеял такое.

У Фэн:...

Наставник Линь проявил участие, велел принести стул. Усевшись, Гу Тин ровно дышал, восстанавливая силы, и показал Наставнику Линю большой палец:

— Стрельба — первоклассная.

— Так, сойдёт, — скромничал Наставник Линь, — мой ученик куда искуснее.

Гу Тин заинтересовался:

— А кто твой ученик?

Наставник Линь скользнул взглядом по его поясу, и во взгляде этом читалась бездна намёков:

— Ученик мой силу имеет, чтоб треножник поднять, стреляет без промаха, на сотне шагов сквозь ивовый лист попадает... Ты ведь с ним хорошо знаком?

Странная, двусмысленная атмосфера... Гу Тин застыл, жалея, что раззявил рот.

Вот дурак! Зачем спросил? Сам себя подставил!

Наставник Линь рассмеялся:

— Ха-ха-ха! И впрямь славный. Недаром он к тебе привязался. Ладно, сиди, отдыхай. Пока я

здесь, с тобой ничего не случится.

Кончики ушей у Гу Тина медленно заалели.

И не только стрельбе... Эта легкомысленность Хо Яня, не у него ли перенял?!

Чжан Гуй у подножия стены был на грани безумия, мечтая тут же прикончить Гу Тина! Где это князь — Страж Севера откопал такого? Язык подвешен, сеет раздор, разжигает смуту, несёт околесицу — вот мука-то! Делать нечего, на этом этапе надо себя выгораживать, свидетеля искать, иначе не выпутаться!

К счастью, был у него связной. Он тут же отправил голубиную почту в Цзююань, к доверенному советнику Ю Дачуня, Дао Аньжаню. Думал, стоит ответу прийти — и всё уладится, свои ему поверят. Но голубь улетел, а ответа всё не было и не было.

Воинство северных ди пришло в ещё большую ярость:

— И ещё говоришь, не шпион!

— Да нет же я! Я помочь пришёл!

Чжан Гуй готов был рыдать, не зная, что Дао Аньжаню сейчас было не до того — сам в беде оказался.

А всё из-за Вдовствующей великой княгини Линь. Та, хоть и хворала, выпила снотворное и прилегла, но перед сном отдала распоряжение. Дети на внешнем фронте бьются, а она, мать-наседка, сидеть сложа руки не могла — душа не принимала. Решила не высовываться, не отбирать славу, а так, мелочь пустить.

Ю Дачунь и его люди были приезжими. Дао Аньжань правильно рассудил: устроить небольшую пакость — выгорит, его заслуга; не выгорит — и ладно, не его вина. Всё равно они здесь не навсегда, уйдут. Но забыл он, что уйдут они потом. А сейчас-то они в Цзююане. Соратники — свои, а вот прислуга — нет. Подметающие двор — цзююаньцы, подающие чай — цзююаньцы, стирающие бельё и складывающие одеяла — цзююаньцы, даже кухарки — цзююаньки.

Эти пришлые на их земле их людей обижают — как такое стерпеть? Злость злостью, но руки развязать не смели: в Цзююане закон строг, порядки есть, что можно, что нельзя — ясно. Своевольничать — власти схватят. Но теперь... Вдовствующая великая княгиня словечко обронить изволила... Что это значило? Значило это, что сёстрам можно дать волю!

<http://bllate.org/book/16279/1466194>